

А.И. Семенова

**П.С. Попов – профессор
Московского университета.
Очерк интеллектуальной биографии**

Вопрос о существовании русской философии в советский период является важным и дискуссионным. Данная проблема имеет, по крайней мере, два основных взаимосвязанных измерения: методологическое и источниковедческое. В методологическом отношении важно установить, следует ли рассматривать существовавшую в СССР философскую мысль только в качестве проявления интернационального (безнационального) марксизма?¹ Или же в советский период, в том числе после высылки значительного числа философов и обществоведов в 1922 г., сохранялась преемственная связь с национально своеобразной отечественной философией, достигшей к началу XX в. высокого профессионального уровня?²

Эта задача положительно решена, по крайней мере, по отношению к наследию двух выдающихся русских философов, живших в советскую эпоху. П.А. Флоренский и А.Ф. Лосев повсюду, в том числе за рубежом, рассматриваются как выразители национально своеобразной русской философии и в этом качестве привлекают внимание многих исследователей в России и за рубежом. Определенную известность за рубежом приобрели также имена философов более позднего советского и постсоветского периода. В качестве новейшего доказательства следует привести недавно вышедшее во французском переводе издание энциклопедии «Русская философия» под общей редакцией М.А. Маслина (Париж; Лозанна: издательство «Век человека», 2010. — 1008 с.). Это издание содержит статьи о таких философах, как Н. Автономова, В. Бибахин, Л. Гумилев, Я. Друскин, Я. Голосовкер, М. Мамардашвили, В. Степин, Н. Мотрошилова, М. Петров и др. Кроме того, сюжеты о философии советского периода включены в статьи энциклопедии «Эстетическая мысль», «Этическая мысль», «Логическая мысль», «Философия науки» и др.

¹ Некоторые авторы утверждают о «подавлении философии в СССР», отказывая советской философской традиции в какой бы то ни было состоятельности и содержательности.

² Наглядным свидетельством тому, следует рассматривать научно-исследовательскую деятельность профессиональных философов Г.Г. Шпета, А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, М.А. Дынника, М.Ф. Овсянникова, Т.И. Ойзермана, И.К. Луппола, наконец, П.С. Попова и многих других.

Бесспорным достижением философской мысли и в нашей стране, и за рубежом признана пятитомная «Философская энциклопедия» (М., 1960–1970), которая рассматривалась, в том числе и советологами, в качестве высокопрофессионального философского издания. Эти факты свидетельствуют против нигилистических оценок философии, развивавшейся в нашей стране после 1922 г.

Вместе с тем источниковая и историографическая база изучения философии советского периода в настоящее время является весьма узкой. Специальных исследований на эту тему значительно меньше, чем работ о философии русского послеоктябрьского зарубежья. Парадоксальным образом основные источники по изучению русской философии советского периода оказались в настоящее время менее доступны, чем философские тексты мыслителей зарубежья Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, С.Н. Булгакова, Н.О. Лосского, С.Л. Франка и др. Многие неизданные произведения русских философов советского периода до сих пор недоступны широкому читателю, поскольку хранятся в архивах.

Работа по освоению этого значительного пласта наследия отечественной философии только начинается. В этом плане большой интерес представляют исследования Т.Г. Щедриной, опубликовавшей четырехтомное Собрание сочинений Г.Г. Шпета, а также монографию «Архив эпохи: тематическое единство русской философии», основанную на архивных материалах советского времени¹. В данном направлении ведет исследования И.М. Чубаров, опубликовавший в 2005 г. «Словарь художественных терминов Г. А. Х. Н».

В этой связи следует остановиться на деятельности существовавшей в 1921–1930 гг. Государственной Академии художественных наук. Это было весьма успешно работавшее научное учреждение «инновационного» характера, если употребить современную терминологию. Академия в целом и ее Философское отделение в част-

¹Щедрина Т.Г. Архив эпохи: тематическое единство русской философии». М., 2008. Т.Г. Щедрина использует как авторский термин «архив эпохи», поясняя, что имеет в виду определенный массив документов, найденных в различных архивах, но составляющий некоторое целостное идейно-духовное образование. Этот массив может выступать как коммуникативный контекст, а задачей исследователя становится погружение в него устоявшегося комплекса идей, содержащегося в опубликованных текстах. Именно в таком контексте особую важность приобретает рассмотрение архива конкретного автора, будь то П.С. Попов, Г.Г. Шпет и др., как «архива эпохи». Наиболее интересными в качестве «архивов эпохи» Щедрина считает архивы тех людей, которые находились на перекрестке путей развития науки и философии, определяли тематику, задавали проблемные поиски своего времени и тональность научным и философским дискуссиям.

ности были нацелены на создание *универсальной науки о культуре, философии и искусстве*, причем главным средством для разработки такой универсальной науки было полидисциплинарное объединение философов (Г. Шпет, А. Лосев, Н. Жинкин, А. Ахманов, П. Попов, В. Зубов), психологов (Г. Челпанов, П. Карпов, С. Скрябин, В. Экземплярский), теоретиков искусства и художников (А. Габричевский, Д. Недович, Н. Тарабукин, В. Кандинский, К. Малевич, К. Юон и др.). Академия вела обширную исследовательскую и культурно-просветительскую работу. Однако эта работа по большей части неизвестна современным историкам философии.

Освоение архивного богатства ГАХН и наследия «гахновцев» только начинается. Часть этой работы связана с изучением философского творчества П.С. Попова¹. Павел Сергеевич Попов (1892–1964) — выпускник Московского университета 1915 г., ученик Л.М. Лопатина и Г.И. Челпанова, в советское время был сотрудником ГАХН, работал на философском факультете МГУ сразу после его воссоздания в 1943 г., где с 1947 по 1949 г. возглавлял впервые организованную на факультете кафедру логики. П.С. Попов был философом широкого профиля, не только специалистом в области логики, но также историком философии, эстетиком, историком искусства, тонким литературным критиком. Многочисленные исследования П.С. Попова, монографии и статьи по истории русской и западноевропейской философии известны только узкому кругу специалистов. Необходимо, однако, отметить, что перечисленные труды не только полно охватывают и точно отображают общий круг тем и проблем по истории философской мысли, на разработку которых была направлена научная деятельность профессора, но и являются ее весьма достойным продолжением, значение которого для отечественной историко-философской науки нам еще предстоит осмыслить и оценить.

Так, магистерская диссертация П.С. Попова «Современный интуитивизм в его теоретико-познавательном обосновании как путь метафизического знания»² до настоящего времени не опублико-

¹Этой теме была посвящена моя кандидатская диссертация, защищенная на философском факультете МГУ имени М. В. Ломоносова под руководством проф. М.А. Маслина: *Семенова А.И.* Наследие П.С. Попова — профессора Московского государственного университета. Историко-философский анализ: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 2009.

²*Попов П.С.* Современный интуитивизм в его теоретико-познавательном обосновании как путь метафизического знания (с предварением исторического введения). Издано на правах рукописи и хранится в личном архиве родственника П.С. Попова — А.М. Бокучавы.

вана. Эта первая серьезная работа Попова, выпускника историко-филологического факультета Московского университета, очевидно, вписана в контекст значимой и заметной полемики первых двух десятилетий XX в., развернувшейся вокруг фигуры Анри Бергсона. Отклики на концепцию Бергсона, постепенно возрастая в числе, приобрели характер философской полемики, где зазвучали голоса и противников его учения, и защитников, призывавших увидеть и оценить достигнутые им результаты. Среди таких защитников, конгениальных интерпретаторов, а впоследствии продолжателем основных идей Бергсона оказался П.С. Попов. Не мода и популярность интуитивизма, а имплицитно содержащаяся в ней эстетика привлекла П.С. Попова. Так, прежде всего его захватил отличавший работы Бергсона (особенно «Творческую эволюцию») пафос творчества, тайны творческого непрерывно протекающего по многим направлениям и непредвидимого, непредсказуемого развития универсума. Эта черта бергсоновской концепции отмечалась не только им. С энтузиазмом писали об этом также Н.О. Лосский, Н.А. Бердяев, Б.Н. Бабынин, С. Франк¹.

Интуитивная философия, рассмотренная П.С. Поповым главным образом в гносеологическом ключе, как путь метафизического знания, открыла для него и другие области опыта, в частности, художественно-эстетические горизонты, что нашло отражение в его статьях середины 20-х годов и докладах, посвященных проблематике творчества прочитанных в Государственной Академии художественных наук.

В 1926 г. П.С. Попов стал заведующим Кабинетом по изучению современной художественной терминологии при ГАХН, целью которого была подготовка и издание многотомной «Энциклопедии художественных наук». Он написал ряд статей для «Словаря художественных терминов ГАХН» (*адекватное, активность, ассоциация, бессознательное, вдохновение, вкус, волюнтаризм, воля, воплощение, душа, дух, иллюзия, иррациональное в искусстве, творчество* и др.).

Факт преобладания интереса к гносеологической проблематике, особенно к законам мышления и формам познания в их взаимозависимости, к проблемам интуитивизма в гносеологии дают основания рассматривать автора статьи «Творчество» как философствующего психолога, который ставит перед собой задачу исследовать «творческую сферу человеческого сознания», стремится, по сути, дать свою

¹Об этом см.: *Блауберг И.И.* Вокруг Бергсона, или Новый взгляд на русскую философскую сцену // Френсис Нэтеркотт. Философская встреча: Бергсон в России (1907–1917). М., 2008 (Серия «Исследования по истории русской мысли». Т. 13).

собственную «философию и психологию мышления», или, по словам Попова, «психологию художественного творчества».

В своей трактовке творчества Попов исходит из идеи принципиального различия между творчеством, творением как продуктом и творчеством как процессом. «Только в конце XIX века, в связи с развитием психологии стали говорить о творчестве как о совокупности тех процессов, особенностей и т. п., которыми обуславливается появление того или иного произведения»¹.

Свою задачу Попов видел в том, чтобы реконструировать творческий процесс в искусстве, в частности, в литературе, в его типических формах. При этом он стремился исследовать природу творчества с аксиологической, оценочной, точки зрения: его интересовали не результаты творческой работы, как таковые, а именно процесс создания художественного произведения, которое он, вслед за Гартманом, назвал «внутренним выполнением».

Психология художественного творчества, и шире — философия творчества Попова — обнаруживает себя с очевидностью, когда Попов выступает не просто в роли превосходного текстолога, исследователя-историка, а когда он приступает к комментированию литературных произведений.

Значителен вклад Попова в исследование литературно-эстетических и философских взглядов русских писателей: особенно выделяются его работы об А.С. Пушкине, А.П. Чехове, о Ф.М. Достоевском, Л.Н. Толстом, которые он публикует, начиная с конца 20-х годов и вплоть до конца жизни, включая период академической научно-исследовательской деятельности в качестве логика и историка логики. Заслуживают особого внимания такие статьи Попова, как «“Я” и “Оно” в творчестве Ф.М. Достоевского», «Атеистические идеи в творчестве Ф.М. Достоевского», «А.С. Пушкин как историк» и др.

Значительное место в жизни Попова занимала дружба с писателем М.А. Булгаковым². П.С. Попову принадлежит первая биография М. Булгакова, написанная в 1940 г., но впервые опубликованная спустя полвека³.

¹Словарь художественных терминов. 1923–1929. М., 2005. С. 386.

²См.: Гудкова В.В. О Михаиле Булгакове и Павле Попове // «Когда я вскоре буду умирать...»: переписка М.А. Булгакова с П.С. Поповым (1928–1940). М., 2003. С. 5–61.

³Исследования В.Я. Лакшина, М.О. Чудаковой, В.В. Гудковой, Б. Соколова личности и творчества П.С. Попова осуществлялись в основном в русле анализа ими эпистолярного и литературного наследия М.А. Булгакова.

Чрезвычайно интересной и весьма ценной в историко-культурном смысле является книга воспоминаний П.С. Попова, расшифровкой рукописного варианта и подготовка к публикации которого ведется в настоящее время автором настоящей статьи. Эта книга — «Образы былого» — и сегодня хранится в личном архиве философа. В ней собраны его мемуары, заметки из публицистического дневника, автобиографические наброски, а также истории из жизни ближайшего университетского окружения.

Текстологический анализ рукописей «Образов былого» дает основания заключить, что Попов приступил к их написанию в середине 1920-х годов и тогда же составил план будущего сочинения. В процессе разбора рукописей удалось установить, что отдельные главы (очерки) этой книги принадлежат двум периодам (Попов не указывает дат написания глав). В первый период — середина 1920-х годов — были написаны очерки: «Гимназические преподаватели истории и русской литературы в Московском университете», «Л.М. Лопатин и Московский Университет в 70–80 гг.», «Л.М. Лопатин в своих письмах», «Страшный рассказ Лопатина с кладбища», «1914 — 15 гг.», «П.П. Соколов», «П.А. Флоренский», «Р.Ю. Виппер». Во второй период — конец 1940-х, 1950-е годы: «Л.М. Лопатин. Общий очерк» и «Н.А. Бердяев». Для уточнения дат написания требуются дальнейшие текстологические и историографические исследования. Сегодня можно только предположительно связывать длительные перерывы в написании «Очерков былого» с отсутствием у Попова желания публиковать свои воспоминания при жизни. В пользу выдвинутой гипотезы говорят и сами тон и стиль очерков, в которых описаны события интеллектуальной жизни и уклада дореволюционной России, явно контрастировавшие с идеологическими реальностями советской действительности.

«Образы былого» — это не только рассказ о времени, об интеллектуальной атмосфере начала XX в. и академической университетской традиции. Эта книга позволяет нам сегодня по-иному посмотреть на ее автора, оценить его талант историка, создавшего галерею портретов университетских учителей, коллег, друзей, оппонентов. Попов стремился к «портретному» изображению героев с описанием всех творческих и личностных особенностей, поскольку видел в этом один из способов постижения сущности портретируемого, а значит, способ проникновения в его психологию. Эти портреты получились весьма живописными прежде всего потому, что их автор был активным свидетелем эпохи. Он включался во все историко-философские начинания и литературные предприятия, которыми

была отмечена насыщенная событиями культурная жизнь первых двух десятилетий XX в., слушал выступления соискателей и профессоров при защите диссертаций на историко-филологическом факультете, участвовал в обсуждениях докладов на заседаниях Вольной академии духовной культуры, Религиозно-философского и Московского психологического обществ и т. п. На страницах мемуаров запечатлены: М.М. Троицкий, В.И. Герье, В.О. Ключевский, Н.А. Попов, Л.М. Лопатин, Вл. С. Соловьев, Г.И. Челпанов, А.И. Огнев, С.Н. Трубецкой, Е.Н. Трубецкой, Г.Г. Шпет, С.Л. Франк, Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский, В.Ф. Эрн, И.А. Ильин, В.В. Розанов, А.А. Токарский, Л.И. Шестов, П.В. Виноградов, Н.Д. Виноградов, В.М. Хвостов, Л.И. Поливанов, М.К. Морозова, Н.П. Корелина, Г.А. Рачинский, Ю.И. Айхенвальд, Я.Ф. Озе, А. Белый, Вяч. Иванов, А. Блок, «такой колосс» Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, М. Горький, «пустоватый» Н.Я. Грот, «незадачливый» Н.Н. Страхов, «невеликий писатель» Д.С. Мережковский, «серые и непривлекательные — Бирюков, Чертков, Гусев, Дунаев», И. Ремке, Г. Коген, А. Бергсон и др.

Но в центре мемуаров — Лев Михайлович Лопатин. Пожалуй, ни с кем из современников не складывалось у Попова таких доверительных, подчеркнута наставнических и в то же время дружеских отношений, как с ним. «Из всех профессоров Московского университета я должен был бы наилучше всех описать Л.М. Лопатина. Он увлек меня в сферу философских наук не только своими взглядами, но и своею личностью. Я интересовался его литературной деятельностью и всеми его деяниями. Сдержанный и замкнутый в своем домашнем быту, усиленно скрывавший будничную сторону жизни, в последние годы он не стеснялся и вводил в круг своих повседневных забот. Если знаешь человека и с парадной, и с будничной стороны и любишь его, то это, казалось бы, гарантирует искренний, прочувствованный облик изображаемого. Но Лев Михайлович был натура сложная, что называется многогранная, он все время оставался таинственным незнакомым и поражал неожиданностями; хорошо описать его очень не просто»¹.

Или еще эпизод: «Один незабвенный разговор произошел в классе Арсеньевской гимназии. В 1919 году там часто устраивались вечера и иногда танцевали. Лев Михайлович сидел среди танцующих пар. Мы с ним вышли из зала и в полутемном классе стали говорить о задуманной мною работе. Это был план целого исследования по

¹ Попов П.С. Л.М. Лопатин. Общий очерк // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Вып. 8 (64). Тамбов, 2008. С. 449.

вопросу об отношении психологии к наукам физическим. Я пытался формулировать своеобразие психического, выделяя моменты закономерностей специфического характера, в противоположность причинности, понимаемой в ее приложении к событиям внешней природы. Лев Михайлович, несмотря на происходившую вокруг сутолоку, заинтересовался вопросом. Исследовательская работа моя в целом не состоялась, я прочел лишь однажды доклад близкий к этой теме, но помню хорошее предостережение Лопатина. Он говорил, что основная мысль удачна, но намеченное понимание недостоверно, однако не надо форсировать сам принцип; лучше не выставлять предварительно намеченной формулы, а ждать от развивающихся фактов тех черт, которые дадут надлежащую характеристику. Другой раз, уже незадолго до смерти Льва Михайловича, я изложил ему конспект задуманного курса в Нижегородском университете. Лопатин внимательно слушал, интересуясь по существу, и дал ряд очень вдумчивых советов»¹. В другом месте Попов описывает, как они работали вместе с Лопатиным: «В 1919 году, когда пришла идея переиздать полный курс новой философии от Канта до наших дней, я не одну ночь просидел с Лопатиным над магазином², чтобы [восстановить] пожелтевшие листки и стершиеся записи и реконструировать содержание лекций». Уже после смерти Льва Михайловича, по просьбе его брата, Попов разбирал библиотеку и многочисленные бумаги покойного.

В своих мемуарах Попов воспроизводит почти без изменений или с небольшими модификациями известные ему события, добавляя «живые детали и краски» к портретам тех, о ком идет речь: «Был и такой эпизод... В многолюдном обществе, где находился Лопатин, появляется Соловьев и громко говорит: “Левка, я прочел твою книгу, но должен тебя предупредить. Ты так щепетилен в нравственных делах и вдруг оставляешь такие нескромные документы”. И вынимает из томика Аристотеля письмо, написанное типичным бисерным неровным почерком Лопатина с пламенным объяснением в любви в комическом стиле. Плод творчества Соловьева...» Или другая история, изложенная от имени самого Лопатина: «Помню прекрасный весенний вечер, мы на дворе старого здания университета, идет приличная и даже завлекательная беседа. Вдруг В.С. (Соловьев. — А. С.) говорит: “Я вам представлю пьяного”. Разыгрывать пьяного

¹ Там же. С. 449.

² Кипа литографированных листков лекций и заметок, сделанных рукой Лопатина, которым он дал название «магазин». Он обращался к этой кипе материалов, чтобы прочитать каждую следующую свою лекцию.

на университетском дворе в компании профессоров — зрелище не из обычных. Сколько мы ни отговаривали, не подействовало. Он еще предупредил, что в полицию не попадал, что ему известны правила. А правило заключалось в том, что пьяный подлежит уводу, если не держался на ногах. И вот Соловьев применил следующий маневр: когда вблизи полицейского не было, он неистовствовал и качался самым недвусмысленным образом — чуть появлялся полицейский, Соловьев вежливо приподнимал шляпу и начинал вести какие-то фамильярные речи. Раз таки Володя довел меня до [...] (неразборчиво. — А. С.), и я попался в участок, нас всех забрали...»¹.

Другой персонаж, которому Попов посвятил отдельную главу, — Николай Александрович Бердяев. Над ним Лопатин «посмеивался как над новатором-богословом», а «читал, говаривая — “ох уж этот Белибердай”». Попов рассказывает о знакомстве с ним в 1911 г., ознаменовавшемся довольно длительным периодом насыщенного дружеского общения. Как и в случае с Лопатиным, он принимается рисовать «объемный портрет» Бердяева, переходя с описания внешности на характеристику философских взглядов «певца свободы», затем — на многочисленное окружение и философские дискуссии. «Помню, — пишет Попов, — сидел за столом председатель Вольной Академии во время торжественного заседания памяти Достоевского в 1921 г., рядом: Григорьев, Вышеславцев, Чулков. Все доклады, кроме Чулкова, говорившего устаревшим языком символистов, на редкость были удачны. Но это были своеобразные импровизации, несколько скупые на излюбленную тему докладчика. Грифцов оценивал стиль Достоевского. Бердяев говорил о религиозности Достоевского. Надо признаться, что все выступления были тогда выше официальных речей в университете на заседании Общества Любителей Российской Словесности. Незадолго до того прибывший в Москву из Одессы Гроссман сказал мне: “Речи все отшлифованы, в них нет европейской формы, но это по-своему хорошо, ярко, убедительно”. Бердяев говорил очень уверенно, перед ним лежало всего несколько листов конспекта. Деборин мог поклясться в своих взглядах, Луначарский — перестать говорить о Богданове и эмпириокритицизме, Челпанов мог вдруг заявить, что он всегда держался принципов марксистской психологии, Франк мог апеллировать к своим старым забытым статьям по политической экономии. *Бердяев никогда не переставал быть Бердяевым.* Что он вы-

¹ Попов П. С. Н. А. Бердяев. Личный архив родственника П. С. Попова — А. М. Бочукавы // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Вып. 8 (64). Тамбов, 2008. С. 446.

нашивал в своих мыслях, то и высказывал, не взирая на условия и лица: и при царском режиме, и при советском, и при парламентском, и при фашистском. Также беспристрастно и открыто относился он и к людям — для него не было ни эллина, ни иудея, ни образованного, ни безграмотного — но всяческая и во всех благодать Господа.

Раз при Бердяеве очень сетовали на революцию и все ужасы с нею связанные, на ее дурные этические пороки. Бердяев взорвался: “Так ведь она обнажила корни русской жизни. Мы через нее узнали правду о России. А узнать правду всегда величайшее благо”¹.

Мемуары Попова — это путешествие по памяти, по «образам былого». Созданные им портретные зарисовки философов, ученых, писателей открывают нам еще один ракурс сложной и трудной эпохи в истории русской философии, позволяя сегодня услышать голоса и увидеть образы того времени.

¹ Попов П.С. Н.А. Бердяев.

